

скелета мнѣ рѣшительно присмотрѣлись у Ѳедора же Борисыча, который черепъ постоянно возилъ съ собой и употреблялъ какъ пепельницу къ ужасу своей матушки, боявшейся переставить даже его съ мѣста на мѣсто! Не безъ удовольствія думалъ я, оглядывая знакомые предметы, какъ завтра же буду доказывать пріятелямъ, что Ермолай Иванычъ вовсе не «магъ и волшебникъ», и что глаза у него такіе же славные, добрые, какъ у Ѳедора Борисыча, и что такъ же онъ просто и тихо говоритъ, и весело смѣется... Черезъ мѣсяць или два я такъ полюбилъ бывать у этого милаго человѣка, что бѣгалъ къ нему чуть не каждый день. Я вѣроятно у него дневалъ бы и ночевалъ, что называется, если бы не опасеніе, какъ бы начальство не провѣдало объ этихъ посѣщеніяхъ, потому что ходить къ Ермолаю Иванычу было почти запретнымъ плодомъ, а вѣдь я хотѣлъ быть «паинькой!...»

Ермолая Иваныча не любили въ городѣ, хотя и не отказывались пользоваться его услугами и даже его обществомъ. Не любили его «за языкъ», звали его гордецомъ и «фармазономъ». Дѣйствительно, Ермолай Иванычъ, сравнительно съ другими обывателями, жилъ очень странно, хотя мы, его маленькіе друзья — рѣшительно не понимали этой «странности», находили, что онъ живетъ просто. Въ то время какъ я съ нимъ познакомился, онъ уже лѣтъ десять жилъ въ нашемъ городѣ. Онъ былъ не изъ коренныхъ уроженцевъ города и даже губерніи; въ его паспортѣ значилось, что онъ мѣщанинъ одного изъ южныхъ городовъ. Почему бросилъ онъ свои палестины? Почему выбралъ для осѣлости именно нашъ глухой городишка, Богомъ спасаемый, но людьми совсѣмъ забытый, хотя и игралъ роль лѣтъ тысячу тому назадъ, — этого никто не зналъ. Самъ Ермолай Иванычъ обо всемъ этомъ никогда не распространялся, отдѣлывался на докучные вопросы очень короткими отвѣтами, изъ которыхъ мало что можно было извлечь опредѣлительнаго. На первыхъ порахъ, съ нимъ, какъ и со всякимъ свѣтскимъ человѣкомъ, туземные обыватели старались свести знакомство. Ермолай Иванычъ ласково встрѣчалъ всякаго, кто къ нему приходилъ, и много народа толкалось въ его рабочей комнатѣ, гдѣ онъ обыкновенно принималъ гостей, копаясь въ то же время съ лупой у глаза за разобранными часами. Для обывателя, никуда дальше своей губерніи не высывавшаго носа, Ермолай Иванычъ былъ просто кладъ, потому что онъ былъ занятный, веселый и остроумный собесѣдникъ, и при томъ «бывалый человѣкъ», «видавшій виды», съ порядочнымъ запасомъ житейской опытности. Онъ очень хорошо